

Жизнь в рассказах и мыслях вслух

80 лет
со дня
рождения

Мурат Миннуллин

12

Хромовые сапоги

В конце октября 1954 года я поехал в Казахстан на освоение целинных земель. Планировалось, что там будут создаваться новые совхозы, а в совхозах – совхозрабкооперативы. Я как раз и должен был в одном из совхозов исполнять обязанности бухгалтера рабкоопа. Так мне объяснили.

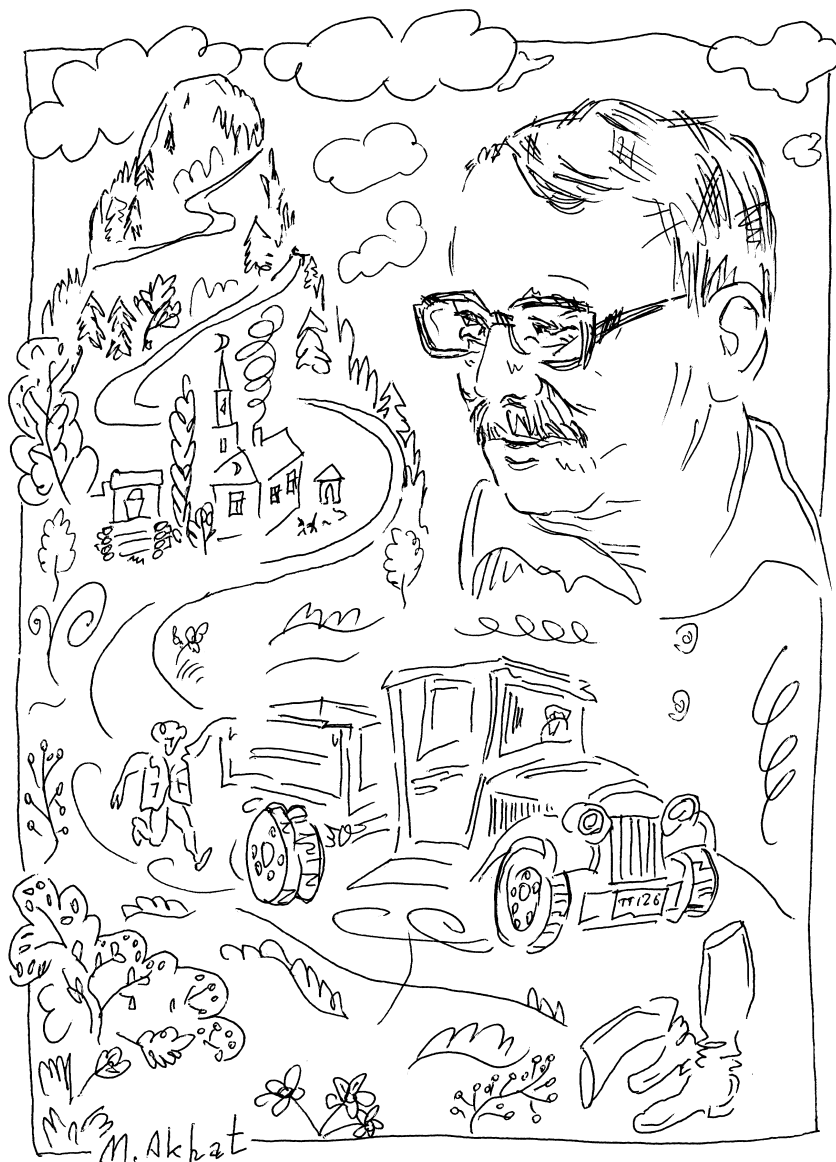
Поскольку в столь далёкое путешествие я отправлялся впервые в жизни, то дома меня одели как следует – пальто, ушанка, валенки. Снег в тот год лёг рано.

Впервые в жизни я сел на поезд. От станции Каратун до Казани ехал в компании своих односельчан. Из Казани в Алма-Ату – уже один. Мне было и интересно, и немного тревожно. Я сидел и не спускал глаз с картонного чемодана – сокровища, попавшего в мои руки тоже впервые в жизни. В нём лежало такое богатство, что не дай бог украдут – пара шерстяных носков, связанных мамой, и две рубашки. И ещё мешочек из бязи, наполненный баурсаком, – тоже вещь очень дорогая. Его я всё время держал у себя под головой. Но когда садился есть, никогда не прятался и угощал соседей по купе. Они тоже меня угощали. В первые же сутки мы все подружились. Мой русский был вполне сносным, поэтому и разго-

варивал я с удовольствием. По мере того как мы продвигались на юг, становилось теплее. Скоро валенки начали мне мешать. Хоть они и были новые, но ценность их становилась всё меньше и меньше. Во время остановок поезда на станциях мне уже и выходить в них стало неудобно. Сверху на мне костюм, а внизу – валенки. Странно как-то... Ладно ещё один дяденька – сосед по купе – решил мне помочь.

– Давай менять твои валенки на мои хромовые сапоги, – предложил он мне.

Сначала я ушам своим не поверил. Кто станет менять хромовые сапоги на валенки?.. Хром – это хром, о таких сапогах в деревне каждый парень мечтает. Их носят только самые бывалые и денежные парни, которые уезжают на заработки в чужую сторону. Идёт такой по деревне – голенища на сапогах спущены гармошкой, а у тебя от зависти слёзы на глазах выступают. А у некоторых, чтобы совсем уже добить тебя, сапоги ещё и поскрипывают при каждом шаге... Разумеется, валенки тоже вещь дорогая. Ведь совсем недалеко то время, когда мы ещё лапти носили. Но валенки, как бы хороши они ни были, вещь понятная, своя, а хромовые сапоги – предмет из мира незнакомого. Таков уж человек. Всегда хочет чего-то

непривычного, другого. Парни не замечают своих деревенских девушек, среди которых встречаются неопишуемые красавицы, и привозят откуда-то издалека некрасивых тонконогих растрёп, а девушки, презрительно морщась на местных парней, гордо выходят замуж за какого-нибудь нездешнего доходягу.

Однако дяденька, что предлагал обмен, вовсе не шутил: открыв чемодан, он достал оттуда почти новые

хромовые сапоги и поставил их передо мной. Я тут же подумал: «А не хочет ли он меня обмануть?» и, словно что-то в этом понимал, начал тщательно осматривать и ощупывать сапоги.

– Не бойся, – сказал дядя, – ноги сносишь, а им сносу не будет. Мне тебя жалко, только поэтому и меняюсь.

Соседи по купе, рассмотрев сапоги, дружно подтвердили, что товар отменный.

Поменялись. Дядя, отряхнув и почистив мои валенки, убрал их в чемодан.

Теперь у меня всё было отлично. Я уже с нетерпением ожидал каждой новой станции. Надев сапоги, я выходил на перрон и начинал прохаживаться туда-сюда: мне казалось, что все смотрят только на мои сапоги. Про себя я радовался тому, что так ловко обманул того дядю. А ещё мне очень хотелось очутиться сейчас в деревне и показать там свои сапоги...

Я не мог отвести глаз от своих сапог, пока ходил и по Алма-Ате. Грязь и пыль на них не задерживались – я их тут же вытирал. К тому времени стало немного подмораживать, но сапоги оказались впору и с шерстяными носками. Короче говоря, с сапогами мне очень повезло, жаль только, что меня не могли видеть наши деревенские девушки. А что касается городских девчонок – да что они понимают в хромовых сапогах! – то они на меня даже не смотрели.

В Алма-Ате таких, как я, с направлениями, оказалось довольно много. Каждый день мы собирались у Казпотребсоюза и ждали отправки по месту работы. Вскоре мы перезнакомились друг с другом и подружились. Я был самым молодым среди всех. Некоторые ребята выглядели уже довольно опытными и тёртыми. Я прислушивался к разговорам: сюда немало приехало и тех, кто не прочь был воспользоваться неразберихой, которая неизбежна в начале любого дела. Один тип даже цинично заявил: «Целина всё спишет». Вот интересно: откуда он это знал?..

Позже я понял: воров здесь действительно была возможность воровать без опаски. Думаю, ещё найдутся те, кто открыто напишет о том, что творилось на целине. Моя цель в данном случае – не эта.

Я получил направление в Кустанайскую область. Когда добрался до Кустаная, было уже начало декабря и на улице стоял двадцатиградусный мороз.

В Кустанае нас задерживать не стали. Назначили меня главным бухгалтером в рабкооператив совхоза имени

Баймагамбетова в Таранском районе и велели искать попутный транспорт. Такая машина нашлась – это был грузовик с мылом, который направлялся в районный центр Викторовка, я живо залез в кузов – прямо на коробки с мылом. Мне предстояло «загорать» на них 200 километров. А мороз тем временем стал крепчать. От ледяного ветра невозможно было нигде укрыться. В кабине машины рядом с шофёром сидел экспедитор. На шофёре – шуба, экспедитор был одет в тулуп. На мне же – пальто и хромовые сапоги...

Сначала мамины шерстяные носки как-то «держали оборону», но потом – сколько можно терпеть – холод проник в ноги, прополз под пальто, и вскоре я начал нещадно дрожать.

Не в силах терпеть, я постучал по крыше кабины.

Остановив машину, шофёр вышел и спросил:

– В чём дело?

– Холодно, – ответил я.

– Что я могу поделывать? – возразил он и от души отругал меня за то, что я отправился в дальний путь в такой одежде. Естественно, каждое своё слово он подкреплял крепким матом. Высказавшись до конца, он дал мне дельный совет:

– Я поеду тихо, а ты держись за кузов и беги.

Кое-как спустившись на землю, я побежал за машиной... Вскоре я согрелся и даже вспотел, тогда я остановил машину и снова влез в кузов. Шофёр откуда-то достал кусок брезента и дал мне, чтобы я завернулся. Брезент помог хоть как-то защититься от ветра. Но он не мог спасти мои ноги от холода. Поэтому вскоре я снова постучал в кабину и снова побежал. После того как мы проделали это несколько раз, шофёр сказал:

– Теперь уж недалеко, не стучи. – И до Викторовки он больше не останавливался.

Сколько прошло времени – я не знаю, но мне показалось, что – тысяча часов, за которые мы проехали тысячу

километров. Я и плакал, и ругался. Прежде всего костерил эту целину и самого себя – за то, что согласился ехать сюда. Досталось и тому дядьке, который обменял свои сапоги на мои валенки. Обижен я был и на экспедитора, что сидел в кабине грузовика. Надел тулуп и сидит там, не шелохнётся даже. А ведь я еду на работу именно в его райпотребсоюз.

Мы добрались до места, когда уже стемнело. Машина остановилась возле каких-то ворот.

Шофёр вышел и сказал:

– Слезай.

Но я уже был не в силах сделать это, потому что не мог даже пошевелиться.

Шофёр, видимо, понял всю серьёзность положения, быстро залез в кузов, помог мне подняться и крикнул экспедитору в тулупе, который наконец-то соизволил вывалиться из кабины:

– Держи его!

Однако тот – то ли не услышал, то ли не захотел услышать – даже не остановился и исчез за какой-то дверью рядом с воротами. Позже я узнал: это были ворота склада райпотребсоюза, а дверь рядом с ними – вход в избушку охранника. Шофёр немедленно разразился трёхэтажным матом. Тем временем в дверях кто-то появился, и шофёр велел ему подхватить меня. Взяв на руки, человек занёс меня в дом.

Внутри оказалось довольно много народу. С меня быстро стянули пальто и сапоги. Все засуетились. Человек, который принёс меня, – огромный мужчина с пшеничными усами, начал ругать шофёра и экспедитора: «Сволочи!..»

Шофёр огрызнулся. А экспедитор только и сказал:

– Разгружайте...

Несколько мужиков пошли к двери. А здоровяк и ещё какой-то человек остались хлопотать возле меня. Откуда-то появилась водка, которой натёрли мои

ступни. Потом мне дали глотнуть этой водки. Внутри избы было тепло. И я незаметно для себя заснул.

Я был тогда ещё очень молод. И это было моё первое серьёзное знакомство с жизнью. Именно тогда впервые передо мной в течение короткого промежутка времени сошлись лицом к лицу добро и зло. До того я не умел их даже толком различать. Но теперь увидел отчётливо, по отдельности, и чёткая грань между ними прошла ровно по середине моего сердца. С тех пор я, кажется, больше никогда их не путал. А тогда я словно как-то враз повзрослел. И когда в момент знакомства главный бухгалтер райпотребсоюза проворчал: «Присылают тут всяких сопливых мальчишек», я уже был отнюдь не тем мальчиком, который уезжал из деревни на целину.

Впоследствии, начав работать бухгалтером, в каждый свой приезд в райпотребсоюз я обязательно заходил в сторожку, где мы с охранником дядей Мишей обязательно «уговаривали» поллитру на двоих. И каждый раз я благодарил его. А он с напускным равнодушием обычно отвечал:

– Бывает, всяко бывает...

За всё время моей работы там я встретил экспедитора только один раз. И не стал с ним здороваться. Хотя моё приветствие, наверно, ему не особо и было нужно.

А те хромовые сапоги я больше не надевал. Первый день я ходил в подшитых валенках, которые для меня раздобыл дядя Миша, а потом председатель райпотребсоюза выписал мне со склада унты. Они были очень тёплые. Хромовые сапоги сначала долго лежали у меня в чемодане, а потом куда-то пропали. Я уж и не помню – то ли их украли, то ли я кому-нибудь их продал. Да-да, наверняка я их продал... не стану на других грешить...

Тайна

16

80 лет со дня рождения

Похоронили жену Хайретдина – Зинаиду, с которой он прожил 45 лет. И хотя в последнее время он мучился ногами и большую часть времени проводил в постели, на кладбище мужчина всё же решил пойти. Внук Михаил довёз его туда на своей «Тойоте». И внутри кладбища, по узким тропкам между оградок, через скопище деревянных, железных, чугунных крестов на многочисленных могилах, Хайретдин шагал, ухватившись за внука. Дойдя до могилы, выкопанной для Зинаиды, он приблизился к гробу жены, приоткрыл её лицо.

– Прости, – сказал вполголоса и сел в сторонке на приготовленный для него стул.

Могильщики, дожидавшиеся его прихода, принялись за работу. Когда комья земли застучали по крышке гроба, Хайретдин встал, подошёл к яме и бросил вниз горсть земли. Снова повторил: «Прости...»

Сев на прежнее место, он с головой ушёл в мысли, которые вот уже на протяжении двух дней не уходили из его головы. Он несколько раз мысленно произнёс «прости». Впервые он сказал это слово в то мгновение, когда его Зинаида навсегда закрыла глаза.

Да, у него действительно были причины просить прощения у своей умиравшей жены. Прожив 45 лет под одной крышей, из них несколько лет проспав на одной кровати, Хайретдин ни разу не сказал Зинаиде «люблю». Он её не обижал, ни разу не ударил и не сказал грубого слова, перед другими не унижал, кормил-одевал, но ни разу не сказал, лаская, «люблю»... Одна была радость, что Зинаида родила мальчика. Сына Сергея он ни на шаг не отпускал от себя. Сам сначала водил в детский сад, потом каждый день делал вместе с сыном уроки. Радовался, что мальчик рос смышлёным. Потратив все сбережения, он отправил сына с Сахалина учиться в Москву. Закончив Московский универ-

ситет, Сергей не стремился остаться в тёплом местечке в столице, а вернулся на свой родной остров. Поступил на работу в солидную организацию. Проявил себя с лучшей стороны, его заметили, повысили в должности. Вдобавок ко всему Сергей женился на дочери известного в городе высокопоставленного человека. И со временем сам превратился в не последнюю в области человека.

Хоть и любил Сергей мать, но тянулся больше к отцу и внимание оказывал ему.

В городе жило много татар. Среди них были у Сергея и друзья детства. Поскольку фамилия у него была Салахутдинов, то дети-татары держали его за своего. Сами, зная по-татарски плохо, всё же учили его некоторым татарским словам... Однажды Сергей спросил у отца:

– Папа, ты татарин, да?

Не получив ответа, мальчик подошёл к матери.

– Никогда не спрашивай об этом у папы, – сказала она ему.

Потому что давно, когда они только собирались пожениться, Зинаида задавала Хайретдину тот же вопрос, а он ей ответил:

– Если хочешь со мной жить, никогда об этом не спрашивай и не напоминай.

Поэтому Зинаида и сама толком не знала, какой национальности её муж. По правде говоря, это ей и не особо было нужно. Для неё Хайретдин всегда был Петром. Жизнь с Петром её устраивала. С детства не испытывая человеческой ласки, она вполне довольствовалась тем, что муж рядом с нею.

Сергей был покладистым сыном, а потому запрета матери не послушался. Но интерес его только вырос. Кто же его отец? В каком-то классе им однажды на дом дали задание: каждый ученик должен был составить свою родослов-

ную. Домашнюю работу не выполнил один Сергей. Он не знал родословной ни отца, ни матери – отец не говорил, а мать выросла в детском доме, и даже её настоящая фамилия была не известна.

Уже став взрослым, Сергей несколько раз подступался к отцу, пытаясь раскрыть завесу над этой тайной. Но отец коротко отвечал: «Не надо».

Подгадав момент, Сергей заглянул в паспорт отца – там было написано: Салахутдинов Пётр Насырович. На самом деле имя Салахутдинова было не Пётр, а Хайретдин, а имя деда было – Насретдин. На Сахалин Хайретдин прибыл без всяких документов. С невероятным трудом выправил себе паспорт, где заменил своё имя на другое. С этим другим именем он ушёл на фронт, с этим именем прожил всю жизнь.

Сергей имел обыкновение допытываться до сути вещей и причин всего происходящего. А потому раскрытие тайны, связанной с отцом, стало его целью.

Похоронив мать, Сергей устроил поминки в самом лучшем ресторане города. Хайретдин и там сидел молча, ни с кем не разговаривал. Коллеги сына – большие и маленькие чиновники – подходили к нему, чтобы выразить соболезнования. Старик по-прежнему молчал, лишь кивком головы давая понять, что благодарит за сочувствие.

Овдовевшего отца Сергей хотел забрать к себе, но Хайретдин отказался. Тогда Сергей решил нанять для него сиделку, но Хайретдин и на это не согласился. Так постепенно и сложилось, что раз в неделю к нему в дом приходили какие-то девушки и убирались. Хайретдин, и до того не особо общительный, окончательно замкнулся в себе.

Отыскивая короткие перерывы в суеете дел, Сергей приезжал навестить отца, они разговаривали обо всем понемногу, вспоминали Зинаиду, но ни на шаг не приближались к той тайне, которую хотел узнать Сергей. Стоило ему повернуть разговор в эту сторону, как Хайретдин сразу замолкал.

Поначалу дети Сергея тоже навещали деда, потом их визиты стали всё реже, они завозили продукты, спрашивались о здоровье и уезжали. Хайретдин претензий к ним не имел, ему был нужен только покой.

И вот, в этой размеренности и полном равнодушии к окружающему, в жизни Хайретдина вдруг случилось нечто. На него напала тоска, причин которой он и сам толком объяснить не мог. Эта тоска была ему знакома – в первые годы после его переезда на Сахалин она приходила к нему на следующий день после того, как ему снилась родная деревня. Со временем деревня сниться перестала, пропала и тоска. Но, как теперь выяснилось, никуда она не пропала, она лишь поджидала, когда Хайретдин останется один на один с собой.

Ему приснилась тропинка, которая тянулась от околицы его родной деревни до самой вершины Липовой горы. Он увидел её совершенно отчётливо. С одной стороны тропинки – узкий овражек, прорытый дождями, с другой – заросли осота, козлобородника, череды и прочих трав, буйно растущих обыкновенно по краям полей. Когда поднимаешься по этой тропинке, деревня видится как на ладони. Но стоит достичь вершины, как деревни уже нет. Именно по этой дороге и уходил Хайретдин. Он быстро поднимался, не оглядываясь назад. Но на самом веру какая-то сила заставила его обернуться. Однако взгляду его представлялся только верхний конец деревни, то место, где стоял их дом. Да и эта картина тут же исчезала...

И вот та тропинка, та вершина горы и тот кусочек Верхней улицы начали сниться Хайретдину почти каждую ночь, лишая его покоя. Это был даже не сон, а бред. Хайретдин чувствовал, что это приближается смерть, и земля зовёт его. Но земля, звавшая его, была не здесь, а далеко, очень далеко отсюда.

Хайретдин слёг – слёг, чтобы больше уже не встать. Его хотели положить в больницу, но он отказался. В его квартире день и ночь дежурили врачи. Сергей почти каждый день навещал

отца. Он даже перестал ездить в командировки. В один из его приходов Хайретдин наконец назвал ему свое настоящее имя и место, где он родился и вырос. Сергей всё понял. Значит, его отец не хотел унести эту тайну с собой. Значит, ему есть что рассказать сыну. Но Хайретдин больше ничего не стал говорить, а лишь посмотрел сыну прямо в глаза и закрыл веки... Нет, он ещё не простился с этим миром. У него были мысли, которые следовало додумать, и воспоминания, которые нужно было вытащить из глубин памяти. Они, всегда скрывавшиеся, как туман, где-то в закоулках души, сейчас вдруг предстали перед ним совершенно отчётливо.

Вон тропинка, спускающаяся с горы, вон деревня. Верхний её конец... Домпятистенок под железной крышей, перед ним рябина. У ворот, сунув руки под фартук, стоит его мать. Она вышла провожать идущего в мечеть мужа – отца Хайретдина. А вон там... а там...

В семье их было три сына и три дочери. Хайретдин – самый младший. Их отец Насретдин был муллой деревни и мударрисом медресе при мечети. Старшие братья и сам Хайретдин учились там же. Когда в деревню пришли советы, медресе превратили в школу. Два года Хайретдин проучился и там. Отец был очень уважаемым муллой не только в своей деревне, но и в округе. При советской власти его начали преследовать. Особенно донимал бывший бродяга, сезонный рабочий, а теперь коммунист Насыбулла. При встрече где-нибудь с хазретом он обычно начинал скалить зубы:

– Ну что, ворон в чапане, скоро мы твою мечеть закроем, а самого из деревни вышлем.

Его издевательские ухмылки, как оказалось, были неслучайными. Как только в деревне появился сельсовет, по доносу Насыбуллы Насретдина затаскали в волостную канцелярию. Начали вешать на него обвинения. Оба старших брата Хайретдина уже закончили в Казани медресе и остались жить в городе. Сёстры все были замужем. Рядом

со стареющими родителями оставался только Хайретдин.

Насыбулла привязывался и к нему. Хотя причин для этого вовсе не было. Но когда-то Насыбулла, наезжая сезонами в деревню, вздумал учить деревенских парней пить водку, за что получил серьёзное предупреждение от муллы. Возможно, теперь Насыбулла мстил за это его сыну. Хайретдин, может быть, и вытерпел бы всяческие оскорбительные прозвища вроде «мулловская сопля», но Насыбулла стал настраивать против него деревенскую молодёжь. А ведь он вырос вместе с ними, вместе они играли, дружили. Теперь ребята сторонились его. И с его любимой девушкой Рабигой творилось что-то неладное. Они довольно давно встречались, дело уже дошло до объятий и разговоров о свадьбе, и вдруг всё изменилось. Рабига повязала на голову красную косынку и начала активно выступать на собраниях, которые организовывал Насыбулла.

Хайретдин не понимал, что случилось с миром. Он никак не мог взять в толк, как могла деревня так сильно измениться за два-три года. Но недоумевал не только он, но и повидавший всякого отец. Он говорил иногда:

– Наверно, это и есть начало конца света.

Сельчане, раньше исправно ходившие на намаз, теперь обходили мечеть стороной. При встрече многие старались не смотреть хазрату в глаза и здоровались издали. В деревне появились два-три красноармейца, которые создали какие-то невиданные доселе ячейки. С одним из них Рабига посреди белого дня прогуливалась по деревне под ручку. Хайретдину, просившему о свидании, она отказала.

– С сыном муллы я не встречаюсь, – заявила она, случайно встретив его на улице.

– Но я ведь и раньше был сыном муллы, – сказал Хайретдин.

Рабига расхохоталась:

– О том, что раньше было, теперь забудь.

А ведь Хайретдин любил её. И мать не слушал, которая предупреждала его: «Это беспутный род. Не связывайся с ней». Но ведь и Рабига любила его – когда сидела в его объятиях.

– От тебя хорошо пахнет, – говорила она и, расстегнув ворот его рубашки, тыкалась носом в его грудь.

Что же теперь изменилось?

В один из дней Насретдина-хазрата увели.

– Избавимся от этого ворона в чапане, так чтобы и следа от него не осталось, – снова скалил зубы Насыбулла.

Мать пыталась его уговорить. Но Насыбулла только хохотнул:

– Не горюй, абыстай, мы тебя замуж за молодого выдадим.

Хайретдин это слышал. Другой бы на его месте набросился за эти слова на обидчика и вцепился бы ему в горло. Но Хайретдин плакал про себя и ничего не сказал. Потому что не был причинен защищать себя и других кулаками. Отец воспитывал его: «Ударить человека – самый большой грех».

В тот день, когда Насретдина арестовали, мать с сыном пошли по соседям, обошли всю деревню. Они молили о помощи.

– Ведь вы его знаете, он никогда не причинял никакого вреда людям. Он призывал только к добру, – говорили они.

Но никто не вступился за них.

– Властям виднее, наверно, провинился в чём-нибудь... – думали многие.

Вернувшись домой, абыстай впервые в жизни разрыдалась в голос. Хайретдин плакать не мог. Его душа тогда окаменела.

В тот же день мать слегла и через два дня простилась с этим миром. Старшие братья на похороны матери приехать не смогли. Сёстры обмыли покойную, прочитали соответствующие молитвы. Ладно ещё соседи помогли с похоронами.

Хайретдин не знал, что теперь делать. Он не был готов к такому повороту жизни. На людей он был обижен всей душой. И ушёл из деревни куда глаза глядят. Ушёл, дав себе слово больше никогда не возвращаться сюда. Он поднялся по тропинке на гору, последний раз обернулся на деревню и – ушёл. Сначала он хотел, конечно, разыскать братьев. Но потом отказался и от этой идеи. Всё, что было потом – его скитания по миру, тоска, тяжёлый труд и прочее – Хайретдин даже не вспоминал. Это и не было ему нужно. Одно обидно – жизнь не имела для него никакого интереса. Так он жил, так он и умирает. Его единственным утешением был сын Сергей. Только он хотел знать, кем является его отец на самом деле. А больше он никому не был нужен: ни братьям, ни сёстрам. Если бы был нужен, они хотя бы попытались его отыскать. Впрочем, он и сам не искал их. Что ещё?... Зинаида... Спасибо ей. Она была рядом в самые тяжёлые минуты. Только... только бы она простила его...

Хайретдина похоронили на татарском кладбище. Так захотел Сергей. Он понял, какую страшную трагедию пережил его отец. Ни с того ни с сего человек не станет отрекаться от своей родины, своих корней, своего народа. Сергей это понял. Сергей Петрович Салахутдинов. Сергей Хайретдинович Салахутдинов...

Август, 2008